В целом, ФГОС-3 ставят новые повышенные требования к системе и уровню подготовки студентов, которые успешно реализовать на практике смогут только вооруженные дидактическим опытом компетентные специалисты.

ОБРАЗЫ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Полищук В.И.

ИГПИ им. П.П. Ершова, Ишим,
e-mail: v.i.p.1945@mail.ru

Историю российского образования можно читать с захватывающим интересом. Мало кто знает, что ещё в середине XVIII века в России была сделана попытка воспитания «новой породы людей». С этой целью планировалось создание системы воспитательно-образовательных учреждений. Осуществление таких замыслов Екатерина II поручила высокообразованному по тому времени чиновнику И.И. Бецкому. Его усилиями были открыты училище при Академии художеств (1764 г.), воспитательные дома в Москве (1764 г.) и в Петербурге (1770 г.), коммерческое училище (1772 г.), а также преобразованы кадетские корпуса.

Как здравомыслящий человек, И.И. Бецкой понимал, что дать правильное воспитание можно только изолировав детей от устоявшихся традиций в области просвещения. В «воспитательные училища» должны были принимать детей не старше 5–6 лет и прививать им необходимые «добродетели и качества»: страх Божий, похвальные склонности, трудолюбие, учтивость, благопристойность, «соболезнование о бедных», знание «домостроительства», опрятность. Детей запрещалось бить, «грозить им и бранить, хотя и причины к тому бывают». Среди воспитанников надлежало выявлять особенно способных «обоего пола», чтобы развивать в них природные дарования, «дабы произвести и превосходных людей по превосходству разума их и качества».

И.И. Бецким были составлены и изданы для всех училищ уставы, содержавшие немало новых и впечатляющих педагогических идей. Но перед ним встал извечный в образовании вопрос: где найти соответствующих этим идеям воспитателей? В принципе он был не против «природных россиян», но, будучи сам той же «природы», достойных среди них найти особо не надеялся. Поэтому обращался в основном к иностранцам. Однако и среди тех не находилось нужных воспитателей. И в 1775 г. он писал Екатерине II: «…Ни один из них (воспитателей – В.П.) не проявил надёжного умения; ни один не постигает настоящие цели учреждения; ни один не понимает его духа; они только заботятся о личных выгодах,…ссорятся между собою и сплетничают…» [1].

На том и завершилось одно из неплохих начинаний в российском образовании, которому покровительствовала сама императрица. Всё просто, казалось бы: не прижились на российской почве идеи и опыт заграничных педагогов. Через сто с лишним лет Д.И. Менделеев, решая ту же проблему подбора «неиспорченных» пагубным влиянием российского общества педагогических кадров, разработал проект закрытого учебного заведения для образования учителей и профессоров. В проекте были предусмотрены место строительства «Училища наставников», размеры здания, его сметная стоимость, заработная плата персонала и т.п. Со своим проектом учёный обратился в правительство, но, насколько мне известно, его предложение осталось без всякого внимания. Возможно ещё и из-за убеждения самого Д.И. Менделеева, которое он изложил в пояснительной записке: будущие наставники, чтобы производить «плодотворное действие», должны быть основательно образованными в области философских наук, поскольку польза в них прямо «не преследуется» [2]. А у российского чиновничества, как известно, вызывает недоверие даже мысль о бессребреничестве, да и в самой философии оно, как известно, ничего кроме вредоносности не видело.

Сложно в России с образованием, хотя с ним везде непросто, а у нас и со всем остальным сложно. Но ощущение такое, будто в отечественном образовании не только не сложились свой опыт и соответствующая политика, но что ими и вовсе пренебрегают. Между тем, сам термин «образование» означает, если исходить из этимологии слова, процесс формирования (создания, обретения) облика, образа. Были ведь необходимые образы и у И.И. Бецкого, и у Д.И. Менделеева. Был он и у Н.И. Пирогова: «Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у вас будут люди и граждане» [3]. Но процесс формирования подобного образа должен быть единым, охватывая собой все грани личностного роста и, по возможности, непрерывным. А если каждые 10–15 лет образование в стране реформировать и модернизировать, меняя при этом ориентиры и смещая акценты, то и опыт не накопится, и образ не сформируется в определённую политику и цель. Ведь зуд преобразований – это лишь одно из побуждений к творчеству. Если нет ясного образа, ради которых они затеваются, то говорить можно, лишь о незрелости сознания или о подражательстве, как истинном мотиве преобразований.

Сомнительно, чтобы у нынешних модернизаторов отечественной школы, в том числе и высшей, как и у питомцев любой системы образования, всегда имеющей парадигмальный характер, могли возникнуть свои, новые и радикальные идеи по её преобразованию. Если учесть к тому же, что характер этот заключает

в себе и особенности национально-исторические. В России, правда, к числу таких особенностей как раз и относится страсть к преобразованиям. Но эта страсть – от неуверенности, от недоверия к себе и вечной неопределённости. Между тем, не мешало быть подумать над простым вопросом: так ли уж была плоха школа, взрастившая способность оценивать себя критически?

Если же «новые и радикальные» идеи в сфере отечественного образования как-то появляются, то лишь на основе заёмного, неотечественного опыта. Либо как следствие его отрицания, когда создаётся видимость национальной определённости и самоидентификации. Отсюда и выходит, что российское образование всякий раз оказывается в позиции смиренного ученичества, или самодовольного учительства. То есть довольствуется ролью лишь одного из слагаемых полноценного образования. Поэтому и своего образа у российского образования нет, и развитие получается скорее вспять, чем вперёд. Зато есть безóбразные и безликие стандарты: стандартное образование – стандартный выпускник – стандартный специалист – стандартная личность. Здесь нет места неординарности, творчеству, универсализму, способности взять на себя ответственность за новое, оригинальное решение. То есть всему тому, что должно быть смыслом и целью образования.

Долгое время отечественное образование питалось идеями основателей современной педагогики Я.А. Коменского, И.Ф. Гербарта, И.Г. Песталоцци. Ученик рассматривался как объект систематизированного воздействия со стороны педагога. При этом решались задачи формирования личности с заданными качествами и подготовки специалиста для успешного его функционирования в области материального производства. В Советском Союзе существовали прекрасные учебные программы, в особенности по естественным наукам и математике. Но в программах повышенное внимание уделялось овладению фактологическим материалом. Учащиеся показывали хорошие результаты в использовании усвоенных сведений для решения уже известных проблем. Однако в том, что касается применения знаний в непредвиденных обстоятельствах, советские школьники уступали сверстникам из западных стран, таких, к примеру, как Великобритания, Франция, Канада.

Систематизированное воздействие школы, её чрезмерное внимание к фактологии подавляли свободу, взращивали личность, легко поддающуюся влиянию извне. Об этом писалось в своё время, но оставалось без внимания: опыт Запада, дескать, нам не подходит. Без собственных идей и образов необходимого результата всей системы образования, оно по-прежнему сводилось к усвоению знаний. Даже когда в постсоветской России, в условиях внезапной свободы начались новационно-обновленческие процессы в сфере образования, они оказались незначительным подновлением зарубежного педагогического опыта (школа Завтрашнего Дня Д. Ховарда, Вальдорфские школы, развивающее обучение), реставрацией российской дореволюционной системы образования (гимназии, лицеи, кадетские училища) или выразилось в насыщении учебных программ модными в то время, но сомнительными по своей значимости предметами.

Как и в любом деле, в образовании не обойтись без заимствований. Но прежде нужно быть свободным, в том числе и от привычки к подражательству. Эта привычка имеет в России давнюю традицию: о своеобразной моде на подражание писал ещё Н.М. Карамзин, с сожалением утверждая, что оно сделалось «честию и достоинством россиян»[4]. Между тем, «образование в его абсолютном определении есть освобождение и работа высшего освобождения» (подчёркнуто Гегелем – В.П.) [5]. В российском образовании такой свободы нет. Напротив, повсеместно внедряются стандартизация, формализм и, как следствие, растут бюрократизм, бумаготворчество. И не только потому, что копируются лишь внешние, а зачастую и ненужные стороны зарубежного опыта образования. Ложная сама идея современного отечественного образования – никем необъяснимая и непонятная. Да, пожалуй, и нет никакой идеи, а есть лишь стремление формировать «внешнего» человека, то есть не личность, а какого-то постороннего для жизни и для себя самого индивида. Стремление производить, а не образовывать.

Но идея потребления важнее для образования и воспитания, чем стремление к производству, поскольку соответствует потребности «внутреннего человека». Потребление не менее производительно, чем производство, о чём писал ещё К. Маркс. В конце концов, хороший учитель – это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся, то есть обретают и образ, и знания. Поэтому образование нужно рассматривать именно как потребление, чтобы оно стало действительно производительным. Неясная идея «внутреннего человека», с его потребностью в образованности, проявит себя в образах добропорядочных граждан и людей. При условии, разумеется, если у преобразователей отечественного образования есть такая цель.

Список литературы

1. Письма И.И. Бецкого к императрице Екатерине Второй // Русская старина. – 1896. – № 11. – С. 405.

2. Менделеев Д.И. Сочинения. – Т. 23. – Л.-М., 1952. – С. 234.

3. Пирогов Н.И. Избранные педагогические произведения. – М., 1985. – С. 37.

4. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 2002. –С. 999.

5. Гегель Г.В.Ф Философия права. – М., 1990. – С. 232.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ШКОЛЬНИКОВ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Соколова Е.Е.

МБОУ «СОШ№ 17», Усолье-Сибирское, e-mail: elenaesokolova@mail.ru

Выступление посвящено исследованию актуальной проблемы, касающейся иноязычного образования в средней школе в условиях экспоненциального роста сетевых средств массовой коммуникации (СМК). Интерес к данной проблеме объясняется, прежде всего, быстрыми процессами глобализации, информатизации, межкультурной коммуникации, что в свою очередь требует пересмотра возможностей обучения иностранному языку (ИЯ). Школьник оказался сегодня в качественно новом мире, обусловленном произошедшими и происходящими изменениями, когда он за одну минуту, благодаря Интернету, может преодолеть многочисленные географические и политические границы, побывать на разных континентах Земли, пообщаться с зарубежными партнерами, что порождает, помимо всего прочего, и новые вызовы к преподаванию ИЯ. Среди педагогических исследований особую значимость для нас имеют работы Ивановой Л.А., которая отмечает, что необходимо уделять первостепенное внимание Интернету не только как глобальному источнику информации, средству использования новых информационных технологий в обучении ИЯ, но и как средству обучения медиатизированному общению. В многочисленных статьях автор обращает внимание на дидактический и медиаобразовательный потенциал сетевых СМК при использовании методически эффективных способов работы с ними на уроках ИЯ [1; 2 и др.].

Мы согласны с автором, что глобальная сеть Интернет предоставляет огромные возможности для учителей иностранного языка, она объединяет все страны мира, вне границ, континентов, вне времени в единое мировое информационное пространство. Именно новый международный информационный порядок, для которого характерно языковое и культурное разнообразие, детерминирует формирование у школьника в процессе обучения ИЯ медиакомпетентности, характеристики, способствующей медиатизированному общению в едином мировом информационном пространстве [1; 2 и др.].

Список литературы

1. Иванова Л.А. Интеграция медиаобразования и учебной дисциплины «Иностранный язык» в образовательном процессе через аудиовизуальные СМК // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 5. – С. 75–77.

2. Иванова Л.А. История создания видео и его развитие как одного из компонентов медиаобразования в процессе обучения иностранному языку // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 3. – URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/ivanova_l.a._poslednee.pdf.

ПРОБЛЕМЫ ДОВУЗОВСКОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ

Супрун Л.И., Супрун Е.Г., Апанасова В.А.

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Институт архитектуры и дизайна, Красноярск, e-mail: suprun-lily.@ yandex.ru

С переходом на двухуровневое образование педагоги высшей школы обеспокоены качеством базовой подготовки студентов, которую они получают в средней школе. Так для технических специальностей важна их «геометро-графическая подготовка» [3]. Однако проводимые тестирования показывают их низкий уровень [3, 5]. Не секрет, что во многих школах черчение либо вообще отсутствует, либо преподаётся на низком профессиональном уровне. К тому же школьная программа нисколько не помогает вузовскому обучению. Учить понемногу многому, это значит, ничему не научить. Зачем школьнику машиностроительное и строительное черчение? Студенты технических вузов освоят машиностроительное черчение гораздо быстрее и качественнее, а студенты строительных вузов – строительное черчение, потому что они в этом заинтересованы и видят перспективы своей графической грамотности. Школьникам же это совершенно не нужно. До перестройки системы высшего образования в учебных планах достаточно часов отводилось на начертательную геометрию и инженерную графику. Вузы имели возможность обучать студентов черчению с нуля. С переходом на новую систему из учебных планов большинства направлений вообще исчезла начертательная геометрия, а количество аудиторных часов на инженерную графику сократилось вдвое. Сократился объём часов на начертательную геометрию и архитектурного направления, где по мнению студентов начертательная геометрия «даёт базу, на которой держится «скелет» архитектурного образования» [2].

В таких условиях для успешного обучения в вузе должна быть хорошая базовая подготовка. А базой для графических дисциплин является черчение. Поэтому, во-первых, «недопустимо исключение данной дисциплины из школьной программы» [5], а во-вторых, следует пересмотреть её содержание. В течение длительного периода единственным учебником по черчению для общеобразовательных школ был учебник Ботвинникова А.Д. Сейчас появились учебники под редакцией Шевелёва Ю.В., Степаковой В.В. [4] и др. авторов. Правда первый автор за основу взял учебник Ботвинникова А.Д., а второй рассматривает черчение с компьютерной графикой. Разрабатываются и новые программы. Так Матвеева Т.Г. предлагает программу сквозной подготовки по черчению с 5 по 11 классы [1]. В программе есть хорошая идея перенести основы начертательной геометрии в среднюю